

Десять лет назад они вместе пили «Пепси». Может, Сэйити просто хотелось пить, но он расправился с пивом в мгновение ока и, всё ещё неудовлетворённый, потряс пустую банку и спросил: «Есть ещё?»

Бледные щёки Кэйсуке слегка порозовели от алкоголя.

- Ты уверен, что тебе стоит пить столько? - пробормотал он, передавая ещё одну банку. - Разве полиция здесь не строгая?

- Это ты предложил, а теперь такое говоришь?

- Я просто пытаюсь быть ответственным взрослым, - тихо рассмеялся Кэйсуке, открывая вторую банку для себя. Каждый раз, когда он делал глоток, его плохо сидящие очки покачивались между бровью и носом.

- Раньше ты очки не носил, да?

Кэйсуке поставил наполовину пустую банку на татами и кивнул.

- Да, зрение ухудшилось после старшей школы.

Он снял очки и слегка протёр линзы рукавом пижамы. Проверив их на свет, чтобы убедиться в чистоте, он снова надел их.

- В линзах ты выглядел бы куда лучше.

- Вставлять что-то в глаза - звучит болезненно. К тому же, эти очки прекрасно работают.

Сэйити слегка цыкнул.

- Носить очки - это нормально, но чёрная оправка? Да ладно, она выглядит странно. Попробуй что-нибудь серебристое, или без оправы, или хотя бы подумай о балансе с твоим лицом.

Кэйсуке тихо рассмеялся.

- Моё лицо не то чтобы особое, так что и эти сгодятся.

Не спрашивая разрешения, Сэйити наклонился вперёд и снял очки с его лица. Кэйсуке широко раскрыл глаза от удивления и заморгал. Без очков его черты лица внезапно показались гораздо более утончёнными. У него от природы элегантно лицо, и с приличной стрижкой и хорошей одеждой он без труда мог бы привлекать женщин одной лишь внешностью.

- У меня действительно плохое зрение. Я совсем ничего не вижу. Верни мне очки.

Слова Кэйсуке подкреплялись тем, как он беспомощно шарил руками в воздухе, пытаясь нащупать очки. Сэйити приблизился.

- Ты видишь моё лицо?

- Не совсем. Но я понимаю, что там есть лицо.

Когда расстояние между ними сократилось до менее чем десяти сантиметров, Кэйсуке наконец произнёс:

- Теперь я тебя отчётливо вижу.

Кэйсуке улыбнулся, его глаза слегка остекленели, а полуприоткрытые губы блестели, красные и влажные, словно ожидая поцелуя. Не думая, Сэйити лёгко, по-птичьи, коснулся их своими. Глаза Кэйсуке от удивления распахнулись, но затем он мягко улыбнулся.

- Что, ты уже напился с одной банки?

Сэйити поцеловал его снова. На этот раз Кэйсуке не улыбался. Он мягко закрыл глаза, когда их взгляды встретились. Пользуясь отсутствием сопротивления, Сэйити обвил рукой спину Кэйсуке и притянул его к себе. Мягкое, бледное тело Кэйсуке совсем не сопротивлялось - прямо как в тот летний день десять лет назад.

***

Тело Кэйсуке пахло летней травой, а в том тесном месте, куда он вошел, было жарче, чем где-либо ещё. Пока Сэйити занимался с ним любовью, забытые воспоминания нахлынули обратно, каждое - яркое и отчётливое.

Кэйсуке никогда не был особо разговорчивым. Всегда говорил в основном Сэйити, а Кэйсуке обычно просто слушал. Из-за этого Кэйсуке, наверное, знал тогда о нём всё. Сэйити даже рассказывал ему о том, как девушка ушла от него к другу. Когда он признался: «Было очень больно», - Кэйсуке нежно обнял его, погладил по голове и утешил как мог. Эта нежность была приятна, и Сэйити ухватился за неё, упиваясь вниманием. Его городские друзья лишь смеялись над тем, что его бросили, не предлагая никакого утешения.

В отличие от Сэйити, Кэйсуке никогда не жаловался, за одним исключением. Как-то раз, словно мимоходом, он упомянул, что его отец, слегший весной, уже никогда не сможет ходить, и, вероятно, из-за этого ему самому не удастся поступить в университет - придётся помогать с семейной гостиницей. Лицо Кэйсуке тогда выглядело таким печальным, таким одиноким. Сэйити пытался его утешить, но даже не мог вспомнить now, что именно говорил.

Спустя три дня после возвращения в город Сэйити снова сошёлся с той девушкой, и его уязвленное самолюбие быстро восстановилось. Он занимался с ней сексом, проводил время со старыми друзьями, и постепенно та версия себя, что существовала в деревне, начала казаться ему постыдной. Сама мысль, что он обратился к мужчине лишь потому, что его бросила женщина, была унижительной. Время, проведённое с Кэйсуке, стало одним из тех воспоминаний, которые он больше всего хотел забыть.

Но Кэйсуке не отпускал так легко. Он раз в месяц, регулярно, присылал письма. Сэйити ответил на первое из них открыткой, но после этого перестал отвечать. В конце концов, он начал выбрасывать письма нераспечатанными. После того как Сэйити окончил школу, письма прекратились. В начале этого года он услышал, что отец Кэйсуке – его дядя – скончался, но похороны выпали на будний день, и Сэйити не смог присутствовать из-за работы.

- Кэйсуке тоже повзрослел, знаешь ли. Он твой ровесник, но всё ещё не женат, – сказала его мать, вернувшись с похорон. Так Сэйити узнал, что Кэйсуке всё ещё один. Это не вызвало в нём никаких эмоций. Как он и хотел, он почти полностью забыл о Кэйсуке.

Сэйити водил пальцами по гладкой дуге спины Кэйсуке, посасывая один из маленьких бугорков, как вдруг его накрыла глубокая волна вины. Он отстранился, отпустил тело, к которому прикипал, и потянулся к отброшенной куртке, доставая сигарету. Используя пустую банку из-под пива как пепельницу, он закурил. Свет уличного фонаря снаружи проникал в окно, на котором не было штор, отчётливо освещая комнату. Он услышал шорох футона рядом и, оглянувшись, увидел, как бледная спина Кэйсуке слегка шевельнулась под одеялом. Кэйсуке тихо вздохнул, приподнявшись на локтях, лёжа на животе. Откинув волосы, он взглянул на Сэйити через плечо. Их взгляды встретились, и его губы дрогнули, словно он собирался что-то сказать. В этот момент Сэйити напрягся.

- Можно мне тоже сигарету? – спросил Кэйсуке.

- А... да.

Кэйсуке достал сигарету из пачки, лежавшей перед Сэйити, и с привычной лёгкостью прикурил. Сделав затяжку, он выбрался из-под футона и сел, прислонившись к стене, всё ещё обнажённый. Он помахал рукой у лица, словно ему стало жарко под одеялом. Он не стал прикрываться, сидя так непринуждённо, с обнажённым пахом, и курил.

Они курили молча, и их двойные струйки дыма сливались воедино и задерживались под потолком. Сэйити пытался казаться беззаботным, но его сердце бешено колотилось, и он чувствовал себя приговорённым, ожидающим вердикта. Если Кэйсуке спросит, зачем он это сделал, что он скажет? Винить отсутствие сопротивления со стороны Кэйсуке будет звучать как оправдание, а сослаться на опьянение не получится – он не был настолько пьян. У него не хватило бы наглости солгать и назвать это любовью, а быть откровенным до жестокости – признать, что это была чистая похоть, – казалось ещё хуже.

Кэйсуке потушил сигарету в банке, слегка поменял позу и пробормотал: «Ай».

- Наверное, давно это было, да? Было немного больно, - сказал он, криво улыбнувшись Сэйити. Тот не смог улыбнуться в ответ - ведь это он был причиной той боли.

- Прости, что был груб, - пробормотал Сэйити, чувствуя, как по спине у него струится холодный пот.

- О, но это ничто по сравнению с болью от воспаления желчного пузыря.

- Ты болел?

- Примерно полгода назад у меня внезапно так сильно заболел живот, что я покрылся холодным потом. Пришлось вызывать скорую и ехать в больницу. Сначала думали, что язва, но сказали - холецистит. После пары недель в больнице и лекарств мне стало лучше.

- Правда... - откликнулся Сэйити, отмечая, насколько неуместным казался этот разговор после только что случившегося.

- Даже моя мама удивилась, - продолжил Кэйсуке, тихо посмеиваясь.

- Сказала: «Ты слишком спокоен, чтобы заработать язву».

Каким бы пустяковым ни был разговор, это было куда лучше, чем упреки.

- Да, пожалуй, воспаление желчного пузыря тебе больше подходит, чем язва, - пошутил Сэйити.

- Это ещё что значит? Приступы холецистита тоже болят, знаешь ли, - сказал Кэйсуке, делая вид, что обиделся.

- Просто... это тебе идёт, - ответил Сэйити с ухмылкой.

- Как это болезнь может «идти»? - тихо рассмеялся Кэйсуке. Его худые плечи вздрогнули, а бледная кожа словно слабо светилась в полумраке. Хотя Сэйити только что possessed этим телом - пусть и мужским, - на такой дистанции оно казалось почти неприкосновенно прекрасным.

Желание прикоснуться к нему снова зашевелилось внутри Сэйити. Он боялся говорить, опасаясь упреков, но, поняв, что Кэйсуке не таит обиды, снова выбрался из-под футона. Осторожно, следя за реакцией Кэйсуке, он приблизился. Тот не показал и признака сопротивления и не отстранился, даже когда Сэйити прильнул к нему.

- Ты повзрослел, - тихо сказал Сэйити.

- Мы оба повзрослели, разве нет? Я был удивлён, каким красивым ты стал, Сэйити.

Было приятно слышать эти слова, и Сэйити не смог сдержать лёгкую улыбку.

- Довольно симпатичный, а? - прошептал он близко к уху Кэйсуке. Тот слегка пожал плечами, выглядя немного щекотно, и потушил недокуренную сигарету в банке.

- Да, ты действительно превратился в весьма красивого парня, - сказал Кэйсуке.

Сэйити прижался губами к тем прямым, мягким губам и позволил своей руке вновь найти безмолвную, неподвижную форму beneath. Он почувствовал, как из губ Кэйсуке, слившихся с его в поцелуе, вырвался лёгкий вздох.

- Я рад, что ты приехал сюда, - пробормотал Сэйити, и Кэйсуке улыбнулся в ответ. Эта улыбка притянула его, он поймал язык Кэйсуке своим, ощущая горечь табака.

Кэйсуке повзрослел. Он больше не ворошил неловкое прошлое и не вынуждал к бессмысленным словам. Он стал мужчиной, который мог просто принимать удовольствие и наслаждаться им таким, какое оно есть.

<http://bllate.org/book/12910/1133886>